* * *

На Руси предзимье.
Порыжело
В ожиданье первого снежка
Вымокшее поле возле Ржева,
Луговина около Торжка.

На венцах колодезного сруба
Смыта влагой летняя пыльца.
Ветрено в дубравах Стародуба,
Изморозь на куполах Ельца.

Киновари досыта и сини,
Тронутой летучим серебром,
В тихой роще около Медыни,
В родниковом озере у Кром.

Как царевна юная наивна,
В небе пышнотелая луна,
А под ней Коломна
И Крапивна,
Нерехта, Кириллов, Балахна...

Примеряют белые одежды
Улочки, бегущие к реке.
Ангелы тревоги и надежды
Неразлучны в каждом городке.

Свят покров над пажитью и пущей.
Шепчут губы: «Господи, спаси!»
Что нам обещает день грядущий?
Холодно.
Предзимье на Руси.

ДОРОГА

А путь туда нескладный да безрельсовый:
Беда, коль дождь нагрянет проливной!
Старается, пыхтит автобус рейсовый,
Качаясь, будто пьяница в пивной.

Намаешься, но к пункту назначения
Особо торопиться не с руки,
Пока несёт,
Баюкает течение
День ото дня мелеющей реки.

Пусть на удачу грех уже надеяться,
Когда минуешь самый дальний плёс,
Но над обрывом вспыхнувшее деревце
Вдруг отчего-то станет жаль до слёз.

Ах, жизнь моя, полова да окалина,
Небесконечных дней веретено...
Вот деревце —
От века неприкаянно,
Вот я стою,
Такой же, как оно.

ЗИМНЯЯ РЕКА

Даже ворон не крикнет. Откуда?
И полозья не скрипнут. Куда?
Комариного звонкого гуда
Не осталось давно и следа.

Только стужа ворчит, матерея,
Да метелица путает след,
Вместо жаркого цвета кипрея
Рассыпая серебряный цвет.

Где трепещет сухая осока,
Обнажённая стонет ветла —
Гулом крови,
Движением сока
Жизнь как будто недавно была.

А теперь, словно в доме без окон,
В этой чёрной воде подо льдом
Затаился воинственный окунь,
Дремлют чуткая щука и сом.

Ходит солнце по низкому кругу,
Гаснут стылые дни вдалеке,
Чтобы снова по кроткому лугу
Вышла цапля к ожившей реке.

Это дерево знает и птица,
И вода понимает,
И твердь:
Можно заново будет родиться,
Если только рискнёшь умереть.

ГЕРАНЬ

Памяти мамы Серафимы Никитичны

И всё же рай не за горами,
Как нам порою говорят,
А там, где мамины герани
На подоконниках горят.

Сентиментальностью и грустью,
И беззащитностью пьяня,
Цветок российских захолустий,
Ты вновь приветствуешь меня.

Таится серое предместье,
В тумане улица и храм,
А ты пылаешь в перекрестье
Дождями выбеленных рам.

Картинка северного лета
На краски яркие бедна,
Но столько нежности и света
Идёт от этого окна!

Так вот он, рай,
Не за горами
И лучше сыщется навряд,
Покуда мамины герани
На подоконниках горят.

* * *

Ночью проснулся от крика,
Мучило: был он иль нет?
Лишь первозданно
И дико
Лунный колышется свет.

Свет неземного накала
В небе,
На белой стене.
Ты ли меня окликала
Или почудилось мне?

Снова из тьмы заоконной
Луч этот вырвал на миг
Твой беспечальный,
Исконный,
Незабываемый лик.

Между былым и грядущим
Не отыскать рубежа,
В непостижимом и сущем
Вновь заплутала душа.

Чтобы в немыслимом свете,
Там, среди звёзд и комет,
Мучиться и не ответить:
Были мы в мире иль нет?

МЫ ОСТАЁМСЯ

Тянемся взглядом за стаей гусиной,
Но остаёмся с тобою, река,
С этой пылающей
Горькой осиной,
С полем, ещё не остывшим пока.

С этим просёлком, где вязнут машины
И безнадёжно гудят провода,

С рощей, глухими дождями прошитой,
В блёстках мерцающих первого льда.

Мы остаёмся,
Не в силах расстаться
С небом, где ранняя зреет звезда,
С непроницаемым сумраком станций,
Мимо которых летят поезда.

Мы остаёмся,
Где веси и хляби,
В нужды и беды уйдя с головой,
Под нескончаемый
Жалостно-бабий
Русской метели космический вой.

Что же нас держит?
Вопрос без ответа...
Просто в душе понимает любой:
Только на этом вот краешке света
Мы остаёмся самими собой.

* * *

Побудь со мною, тишина!
Давно искал я этой встречи.
От праздной человечьей речи
Душа остывшая темна.
Побудь со мною, тишина.

Лишь на мгновенье отреши
От нескончаемого быта.
Какая музыка в тиши
От сердца суетного скрыта!
Лишь на мгновенье отреши...

Судьбой добытые слова
Растают в небе легче дыма,
Поскольку жизнь неизъяснима
И в пепел обращать права
Судьбой добытые слова.

Молчат высокие леса.
Безмолвны медленные реки,
Чтобы могли мы в кои веки
Ушедших слышать голоса.
Молчат высокие леса.

Побудь со мною, тишина!
Моё проклятье и спасенье,
Раскаянье и воскресенье,
И оправданье, и вина,
Побудь со мною, тишина.

* * *

Леса одеты в рыжий мех,
В огонь, прозрачный и летучий.
Уже без солнечных прорех
Неповоротливые тучи.

Дрожат заречные огни
Живою строчкой многоточий.
Чем быстротечней гаснут дни,
Тем нескончаемее ночи.

Уснули стылые ветра,
Лишь тьма колышется сырая...
Глаз не смыкаешь до утра,
По крохам жизнь перебирая.

Неверной памяти вино
Отравит горечью былого,
И отболевшее давно
Вдруг обожжёт до боли снова.

Встречая осень у крыльца,
Поймёшь, печальный и смущённый,
Как прост был замысел Творца,
Тобой ни в чём не воплощённый.

* * *

Хорошо быть дающим,
труднее — просящим.
Вот бы жить научиться
с душою в ладу!
Собираю грибы
под дождём моросящим,
словно рыжее солнце
в корзину кладу.

Хорошо полюбить
и уже не расстаться
до конца, до предела
пути и судьбы.
Сколько будет ещё
эта книга листаться?
Я не знаю...
Хожу, собираю грибы.

От земли до небес
перелески да чащи,
огнеликих рябин
верстовые столбы.
Что на свете ещё
горше жизни и слаще?
Я не знаю...
Хожу, собираю грибы.

ПОЕЗДКА

Сухие старческие плечи,
Морщин кривые колеи.
«Садитесь, это недалече,
Тут на сто вёрст кругом свои».

И мы поехали,
И плыли
За нами следом
До поры
Густые клубы рыжей пыли,
Как бесконечные миры.

Цвела июньская картошка,
Гудели в клевере шмели,
И товарняк-сороконожка
Полз, еле видимый, вдали.

Кладбища тёмная ограда
Вдруг проплыла передо мной,
Но в этом не было разлада
С наивной прелестью земной.

И долго помнилось мгновенье,
Когда в полуденной тиши
Впервые
Умиротворенье
Коснулось суетной души.

* * *

Мне столько в жизни выпало любви!
Ту речку вспоминаю и поныне,
Где молнией мерцали голавли
В предутреннем тумане
На стремнине.

Стоял июнь,
Цвели вокруг луга,
К воде клонились сумрачные ели...
Потом иные были берега,
Водовороты, омуты и мели.

Мир превращений и метаморфоз
Слепил, да так — мороз бежал по коже.
Но голубые крылышки стрекоз
Мне всех чудес немыслимых дороже.

Жизнь, как река —
Внезапна и быстра.
А был ли счастлив я на самом деле?
Лишь только там,
У тихого костра,
Среди земли,
Как будто в колыбели.

* * *

Индевеют лодки на приколе.
Гол и светел краснотала куст.
За рекою конь в остывшем поле
Чутко осень пробует на вкус.

Он травы касается губами,
И в глазах от жёлтого рябит.
Стылый ветер, пахнущий грибами,
Как ребёнок, гриву теребит.

Вестниками скорого мороза
Листья вдаль уносятся, шурша.
Мужики стоят у перевоза
И в молчанье курят не спеша.

В час, когда на белом свете сиро,
Мучит тайна каждого своя:
Одного — непостижимость мира,
А другого — краткость бытия.

ДВА БОКАЛА

Матовый, как будто вполнакала,
Зимний день растает за окном.
Ты на стол поставишь два бокала
С терпким настоявшимся вином.

По глотку,
До головокруженья,
Посреди вселенской пустоты
Будем пить за наше пораженье,
Словно за удачу,
Я и ты.

Звон хрустальный тает моментально,
Нет ни капли истины в вине.
Всё равно ты остаёшься тайной,
Так и не разгаданной вполне.

Безоглядной нежностью сражая,
В миг, когда из горла рвётся стон,
Близкая
И всё-таки чужая,
Скоро позабудешься, как сон,

Как вот это солнце вполнакала
В зимнем неоттаявшем окне,
Как вино из тёмного бокала,
Душу отравляющее мне.

* * *

Ты позвони,
Я брошу свой шесток.
Вокзал, перрон...
Какие наши годы!
Согреет душу солнечный глоток
Санкт-Петербургской сумрачной погоды.

Приеду,
Виноватый без вины,
И вдруг пойму над невскими волнами:
Ещё не все мосты разведены,
Тем более не сожжены меж нами.

Невозмутимо холоден гранит,
А век летит,
Стремительный, как росчерк.

Мы будем жить!
Пускай повременит
На переправе хмурый перевозчик.

Рука в руке
И вечность про запас —
Две искорки в горячей звёздной пыли...
Когда-нибудь легко забудут нас,
И всё-таки мы были, были, были!

СНЕГИРЬ

Не копи ни обиды, ни страха
На пути к неземном суду...
Вновь снегирь, беспечальная птаха,
Поселился в январском саду.

По тебе я соскучился за год,
Угощаю, чем только могу, —
От звенящих рубиновых ягод
До семян золотых на снегу.

Оскудевшего неба кольчуга.
Затяжное ненастье грядёт...
Ничего, перетерпим, пичуга.
Всё проходит, и это пройдёт.

Я, конечно, неволить не буду,
Только ты не спеши улетать.
Хорошо мне с тобой, красногрудый,
Эти стылые дни коротать.

Научи одержимости взмаха,
Безоглядной свободе крыла,
Чтобы жизнь без унынья и страха
Шла вперёд,
Убывала,
Была!